«ПОЧЕМУ?» И «ЗАЧЕМ?» В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА: ПОЭТИКА ВОПРОСА И ПРОБЛЕМА НЕПОСТИЖИМОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Мирбабаев Самвел
студент 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института
научный руководитель ***Урунова Фируза Хайдаровна***
преподаватель Самаркандского
государственного педагогического института

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросительных конструкций со словами «почему» и «зачем» в прозе И. А. Бунина. На материале произведений «Жизнь Арсеньева», «Руся», «Таня», «Месть», «Солнечный удар», «Чистый понедельник» и других текстов рассматривается функционирование вопросов о причине и цели человеческих поступков. Особое внимание уделяется случаям, когда вопрос не получает непосредственного ответа или переводится из бытовой сферы в философскую. Показывается, что у Бунина «почему» и «зачем» являются не только синтаксическими средствами организации диалога, но и важными элементами художественного изображения сознания человека. Вопрос «почему» преимущественно связан с попыткой восстановить причину уже произошедшего, тогда как «зачем» обращён к цели, намерению и смыслу действия. Вместе с тем в художественном мире Бунина граница между причиной и целью оказывается подвижной: оба вопроса постепенно превращаются в вопрос о смысле человеческого существования. Анализ показывает, что отсутствие ответа на «почему» и «зачем» является значимой особенностью бунинской поэтики, связанной с мотивами любви, памяти, смерти, одиночества и тайны человеческой души.

Ключевые слова: Иван Бунин, «почему», «зачем», вопросительное предложение, поэтика вопроса, причина, цель, любовь, смерть, непостижимость, человеческое существование.

Вопросительное предложение в художественном тексте далеко не всегда выполняет исключительно коммуникативную функцию. В повседневной речи вопрос «почему?» обычно предполагает необходимость назвать причину, а вопрос «зачем?» — объяснить цель действия. Русская грамматическая традиция также связывает «почему» прежде всего с вопросом о причине, а «зачем» — с вопросом о цели. При этом лингвистические исследования показывают, что в вопросах о человеческом поведении эти значения могут пересекаться:

спрашивая «почему человек это сделал?», говорящий может стремиться узнать не только причину, но и мотив, тогда как вопрос «зачем он это сделал?» также способен предполагать выяснение основания поступка [1, с. 7–15]. Именно эта подвижность значений особенно интересна при обращении к художественной прозе Ивана Бунина.

В произведениях Бунина вопросительная конструкция часто оказывается связана с ситуацией непонимания. Герой видит поступок другого человека, сталкивается с неожиданным событием или вспоминает о прошлом, однако не может окончательно объяснить произошедшее. В результате вопрос «почему?» становится формой попытки проникнуть в чужую внутреннюю жизнь, а «зачем?» — попыткой понять скрытую цель или смысл поступка. Однако принципиально важно, что Бунин далеко не всегда предоставляет читателю готовый ответ. Напротив, вопрос нередко остаётся открытым, а его неразрешённость становится частью художественного смысла.

Уже в «Жизни Арсеньева» вопрос «почему?» приобретает не только бытовое, но и мировоззренческое значение. Герой вспоминает события прошлого и пытается понять собственные ощущения, впечатления и причины тех душевных состояний, которые когда-то казались ему естественными. Так, в тексте возникает вопрос: «Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества?» [2, с. 79]. В данном случае речь идёт не просто о выяснении конкретной причины. Герой пытается понять механизм собственной памяти: почему сознание сохраняет одни впечатления и оставляет другие за пределами воспоминания. Вопрос оказывается обращён уже не к другому человеку, а к самому себе.

Подобная ситуация позволяет увидеть одну из характерных особенностей бунинской прозы. Прошлое для его героя никогда не является полностью завершённым. Воспоминание возвращает пережитое, но одновременно обнаруживает невозможность окончательно объяснить его. Поэтому «почему?» становится формой ретроспективного движения сознания. Герой знает, что событие произошло, помнит его отдельные детали, но не способен с абсолютной уверенностью сказать, почему именно оно сохранилось в памяти, почему определённый человек оказался значимым, почему чувство возникло и почему затем исчезло.

В этом отношении особенно показательны бунинские любовные рассказы. Любовь в них возникает внезапно и часто столь же неожиданно прекращается. Она редко развивается по рационально объяснимой схеме. Герои могут долго находиться рядом, но не понимать значения собственной близости, а затем после расставания пытаться восстановить логику произошедшего. Вопрос «почему?» здесь неизбежно сталкивается с тайной человеческого чувства. Рациональное

объяснение оказывается недостаточным, поскольку любовь у Бунина принадлежит одновременно телесному, эмоциональному и почти метафизическому пространству.

В рассказе «Руся» вопрос «А плед зачем?» на первый взгляд совершенно бытовой [3, с. 46]. Однако именно такие повседневные вопросы характерны для бунинской прозы: внешне незначительная реплика способна впоследствии получить совершенно другое смысловое значение. Вопрос «зачем?» первоначально связан с конкретным предметом и практической необходимостью, но в структуре произведения подобные вопросы постепенно окружают более глубокую тайну отношений между героями. То, что в момент действия кажется незначительным, в памяти приобретает особую эмоциональную ценность.

Именно поэтому у Бунина вопрос «зачем?» нередко связан с ретроспекцией. Персонаж или рассказчик уже знает, чем закончилась история, но возвращается к отдельным её деталям и пытается понять, имели ли они тогда скрытое значение. Таким образом, вопрос о цели действия превращается в вопрос о его последующем смысле. Это особенно заметно в тех произведениях, где повествование строится на воспоминании о любви, встрече или утрате.

В «Тане» подобная функция вопроса проявляется непосредственно в диалогах. Реплика «А зачем тебе куда-нибудь деваться?» [4, с. 104] относится к конкретной ситуации, но одновременно обнаруживает внутреннее напряжение между персонажами. Вопрос о цели действия оказывается связан с вопросом о человеческом желании изменить собственную жизнь. Здесь «зачем?» уже не просто требует практического объяснения. Он выявляет отношение одного человека к решению другого.

В «Мести» вопрос «Зачем хотела где-то встретить его и как-то отомстить ему?» [5, с. 233] приобретает ещё более выраженный психологический характер. Сама конструкция вопроса предполагает попытку объяснить поступок через его цель. Однако желание отомстить в бунинском художественном мире не сводится к рациональному плану. За ним находятся обида, память, любовь, унижение и невозможность освободиться от прошлого. Поэтому вопрос о цели постепенно превращается в вопрос о внутренней причине поведения.

В этом отношении особенно интересно сопоставление «почему» и «зачем». Лингвистически они не являются полностью взаимозаменяемыми: «почему» ориентировано на причину, а «зачем» — на цель. Но в художественном тексте Бунина они могут образовывать своеобразную смысловую пару. «Почему?» обращается к прошлому — что стало причиной события? «Зачем?» направлено к действию и его предполагаемому результату — для чего это было сделано?

Однако оба вопроса могут вести к одному и тому же пределу: к невозможности окончательно объяснить человеческий поступок.

Особенно отчётливо это проявляется в «Солнечном ударе». Вопрос «А зачем вам нужно знать, кто я, как меня зовут?» [6, с. 64] формально касается конкретного интереса собеседника. Но ситуация рассказа устроена так, что личности героев оказываются почти несущественными в момент внезапного возникновения чувства. Встреча становится событием, которое невозможно заранее спланировать или рационально объяснить. Поэтому вопрос «зачем?» парадоксальным образом подчёркивает бессмысленность попытки рационализировать произошедшее.

Само название рассказа указывает на такую модель. «Солнечный удар» одновременно обозначает физическое воздействие и метафорическое состояние человека, внезапно захваченного чувством. Любовное переживание не подчиняется логике заранее поставленной цели. Оно возникает как событие, которое герой не планировал и не мог предвидеть. В результате вопрос о причине и цели любви оказывается принципиально затруднённым.

Подобная неопределённость характерна и для бунинской художественной концепции памяти. Человек пытается понять прошлое, но память не является простым архивом фактов. Она сохраняет отдельные запахи, звуки, лица, слова, жесты, случайные предметы. Поэтому вопрос «почему?» может быть вызван мельчайшей деталью, значение которой невозможно рационально объяснить. В «Чистом понедельнике» рассказчик вспоминает слова героини: «Непонятно почему, — говорила она в раздумье…» [7, с. 1]. Формула «непонятно почему» чрезвычайно показательна для Бунина: чувство признаётся существующим, но причина его возникновения остаётся невыясненной.

В том же произведении вопрос «зачем?» получает уже непосредственно философское значение. Герой спрашивает героиню: «Зачем?» — и слышит ответ: «А зачем все делается на свете?» [7, с. 1]. Частный вопрос о посещении курсов превращается в вопрос универсальный. Из бытового разговора он неожиданно переходит к проблеме человеческого существования. Почему человек учится, любит, страдает, выбирает, отказывается от счастья? Есть ли у этих действий окончательная цель? Бунин не предлагает ответа, и именно отсутствие ответа становится смысловым центром эпизода.

Особенно важна следующая реплика героя: «И зачем, почему надо так жестоко мучить меня и себя!» [7, с. 1]. Здесь два вопросительных слова соединяются непосредственно. «Зачем» и «почему» уже не противопоставлены как вопрос о цели и вопрос о причине. Они становятся двумя сторонами одного эмоционального состояния. Герой пытается понять одновременно и причину

происходящего, и его цель. Но ни одна из этих попыток не приводит к ясному объяснению.

Именно поэтому «Чистый понедельник» позволяет особенно отчётливо увидеть поэтику вопроса у Бунина. Вопросительная конструкция не обязательно предназначена для получения информации. Иногда она фиксирует невозможность знания. Герой спрашивает не потому, что уверен в существовании ответа, а потому, что не способен смириться с отсутствием ответа. В результате вопрос становится формой переживания тайны.

При этом героиня «Чистого понедельника» сознательно уклоняется от окончательных объяснений. На вопрос о любви она отвечает: «Кто же знает, что такое любовь?» [7, с. 1]. Эта реплика непосредственно продолжает линию «почему» и «зачем». Если неизвестно, что такое любовь, невозможно до конца определить и её причину, и её цель. Чувство существует независимо от рационального определения.

Таким образом, у Бунина возникает своеобразная цепочка: **поступок — вопрос — попытка объяснения — отсутствие окончательного ответа**. Эта структура особенно характерна для рассказов о любви и памяти. Герой пытается восстановить логику событий, но чем глубже он погружается в воспоминание, тем яснее становится, что важнейшие моменты человеческой жизни не укладываются в рациональную схему.

Показательно, что вопросы «почему» и «зачем» возникают не только в драматических ситуациях. Они могут относиться к самым обыденным действиям. Именно благодаря этому Бунин разрушает границу между бытовым и философским. Вопрос о пледе, поездке, посещении курсов или имени человека может неожиданно привести к вопросу о смысле существования. Внешне незначительная деталь становится входом в более глубокий пласт текста.

С этой особенностью связано и использование форм «почему-то» и «зачем-то». Они принципиально отличаются от обычных вопросительных конструкций. Если «почему?» прямо требует причины, то «почему-то» фиксирует её отсутствие. В «Чистом понедельнике» рассказчик говорит, что был красив «почему-то южной, горячей красотой», а о героине вспоминает: «Она зачем-то училась на курсах» [7, с. 1]. Здесь авторская речь не объясняет причину. Напротив, неопределённость встроена непосредственно в повествование.

Формы «почему-то» и «зачем-то» поэтому можно рассматривать как скрытые вопросы. Они сохраняют семантику вопросительности, но не требуют ответа. Рассказчик как будто замечает явление, которое кажется ему необъяснимым, и оставляет эту необъяснимость внутри текста. В результате вопросительная семантика становится частью авторского взгляда на действительность.

Такой принцип особенно важен для понимания бунинской прозы в целом. Писатель часто избегает прямого психологического объяснения. Вместо того чтобы сообщить, почему герой полюбил, почему разлюбил, почему уехал или почему вернулся, Бунин показывает детали поведения, жесты, интонации, предметы и воспоминания. Читателю приходится самому устанавливать связи между ними. Поэтому вопрос «почему?» существует одновременно внутри сознания героя и внутри сознания читателя.

В «Лёгком дыхании» эта проблема проявляется особенно остро. Само существование Оли Мещерской оказывается окружено противоречиями. Повествование не даёт единой психологической формулы, которая могла бы объяснить её поведение. Жизнь героини оказывается стремительной, яркой и трагически короткой. Вопрос о том, почему она поступает именно так, неизбежно возникает у читателя, но окончательного ответа текст не предлагает. Это принципиально соответствует бунинскому способу изображения человека: личность сохраняет внутреннюю тайну даже тогда, когда её судьба уже завершилась.

В «Господине из Сан-Франциско» вопросы о смысле существования также возникают не обязательно в форме прямого «почему?». Они заложены в самой композиции произведения. Герой строит жизнь вокруг богатства, путешествия и социального успеха, но внезапная смерть разрушает всю эту систему ценностей. Возникает уже не бытовой вопрос о причине смерти, а философский вопрос о том, зачем человек строит определённую модель жизни, если её конец неизбежен.

Таким образом, бунинское «зачем» постепенно выходит за пределы целевого значения. В лингвистическом отношении оно обозначает цель, однако в художественной структуре произведения способно обозначать смысл. Это различие принципиально. Вопрос «зачем он пришёл?» предполагает конкретный ответ. Вопрос «зачем всё это происходит?» уже не предполагает такого же простого решения. В последнем случае «зачем» становится экзистенциальным вопросом.

Именно здесь «зачем» сближается с «почему». Первый вопрос обращён к смыслу и цели, второй — к причине. Но когда речь идёт о любви, смерти, расставании или судьбе, причина и цель перестают быть легко отделимыми. Человек может знать, что событие произошло, но не знать, почему оно произошло и зачем оно было ему дано. Поэтому два вопросительных слова начинают функционировать как единая форма поиска смысла.

Особенно характерно, что Бунин редко превращает такой поиск в отвлечённое философское рассуждение. Его вопросы рождаются из конкретной жизни. Герой смотрит на другого человека, вспоминает разговор, замечает

предмет, слышит случайную реплику — и именно из этой детали возникает вопрос. Поэтому философское содержание у Бунина всегда связано с чувственным опытом.

Такой подход объясняет и необычную роль деталей в его прозе. Если причина события не объясняется непосредственно, читатель вынужден обращать внимание на детали, которые могут содержать скрытый смысл. Запах, одежда, погода, свет, движение, жест или случайное слово приобретают особую значимость. Они не обязательно дают ответ на «почему» или «зачем», но позволяют приблизиться к пониманию переживания.

В результате вопросительная конструкция становится одним из способов создания художественной неопределённости. Бунин не стремится устранить тайну человеческого существования. Напротив, он сохраняет её. Герой может спрашивать «почему?», но текст не обязан отвечать. Персонаж может спрашивать «зачем?», но вместо объяснения получает ещё более широкий вопрос.

Именно это происходит в «Чистом понедельнике», где вопрос «зачем?» превращается в «зачем всё делается на свете?». Частный вопрос исчезает внутри универсального. Поступок конкретного человека оказывается связан с вопросом о человеческом существовании вообще. В таком переходе и заключается одна из наиболее характерных особенностей бунинской поэтики.

Количественные наблюдения над выбранным корпусом также подтверждают, что вопросы причины и цели регулярно появляются в разных произведениях писателя, однако их функции различны в зависимости от контекста. Исследование вопросительных предложений в произведениях Бунина фиксирует примеры «почему» в «Жизни Арсеньева», «Визитных карточках» и других текстах, а «зачем» — в «Русе», «Тане», «Мести», «Солнечном ударе» и других произведениях [8]. При этом наиболее существенным оказывается не само количество употреблений, а распределение функций: вопросительные слова появляются в ситуациях выбора, воспоминания, эмоционального напряжения, непонимания и попытки объяснить поведение другого человека.

Поэтому статистический подход к текстам Бунина имеет смысл только в сочетании с качественным анализом. Само по себе число употреблений не способно показать художественную роль вопроса. Один вопрос «зачем?» в «Чистом понедельнике» может иметь большее смысловое значение, чем десятки нейтральных бытовых вопросов в других произведениях. Значение определяется не только частотностью, но и положением конструкции в композиции, характером говорящего, ситуацией общения и тем, получает ли вопрос ответ.

Особенно важна последняя характеристика. В бунинской прозе вопрос может иметь четыре основных результата: получить прямой ответ; получить

косвенный ответ; вызвать новый вопрос; остаться без ответа. Последний вариант особенно значим, поскольку именно он создаёт ощущение непостижимости. Если вопрос «почему?» не разрешается, читатель оказывается в том же положении, что и персонаж: он знает, что событие произошло, но не получает возможности окончательно объяснить его.

Таким образом, «почему» и «зачем» в прозе Бунина нельзя рассматривать только как элементы разговорной речи. Они выполняют композиционную, психологическую и философскую функции. С их помощью писатель показывает человека в ситуации столкновения с тем, что невозможно полностью рационализировать.

Вопрос «почему?» у Бунина чаще связан с обращением к прошлому: почему произошло событие, почему возникло чувство, почему сохранилось определённое воспоминание, почему человек совершил тот или иной поступок. Вопрос «зачем?» чаще обращён к цели и смыслу: для чего совершено действие, к чему оно должно привести, имеет ли человеческий поступок какую-либо высшую цель. Однако в предельных ситуациях оба вопроса сходятся. Они превращаются в общий вопрос о смысле человеческой жизни.

Именно поэтому бунинская проза не даёт читателю ощущения окончательно разгаданного мира. Напротив, чем внимательнее читатель всматривается в судьбы персонажей, тем сильнее ощущение тайны. Любовь оказывается одновременно счастьем и страданием, память — одновременно сохранением прошлого и невозможностью вернуть его, смерть — завершением жизни и событием, заставляющим по-новому оценить её ценность.

В этом контексте вопросительные слова становятся своеобразными маркерами человеческого непонимания. Человек спрашивает «почему?» и «зачем?» именно потому, что сталкивается с границей собственного знания. Бунин не устраняет эту границу, а делает её предметом художественного изображения. Поэтому вопрос в его прозе часто оказывается важнее ответа.

Исследование употребления вопросительных конструкций со словами «почему» и «зачем» в прозе И. А. Бунина позволяет рассматривать их не только как средства выражения причинного и целевого значения, но и как важные элементы художественной философии писателя. На материале «Жизни Арсеньева», «Руси», «Тани», «Мести», «Солнечного удара», «Чистого понедельника» и других произведений видно, что вопрос возникает преимущественно там, где человек сталкивается с внутренней непостижимостью события или поступка.

«Почему?» у Бунина обращено прежде всего к причине уже произошедшего. Герой пытается понять прошлое, объяснить собственное чувство, восстановить логику поведения другого человека. «Зачем?» связано с

целью, намерением и смыслом действия. Однако в художественном контексте оба вопроса постепенно сближаются, поскольку человеческое существование не всегда позволяет отделить причину от цели.

Особенно показательны случаи, когда «почему» и «зачем» остаются без ответа. Такая незавершённость не является недостатком повествования. Напротив, она создаёт ощущение подлинности человеческого опыта, в котором далеко не каждое событие получает рациональное объяснение. Бунин показывает человека не как существо, способное полностью познать себя и других, а как личность, постоянно сталкивающуюся с тайной собственного существования.

Особое значение приобретает переход от частного вопроса к универсальному. В «Чистом понедельнике» вопрос «Зачем?» превращается в «А зачем все делается на свете?». Так бытовая реплика становится философским вопросом. Аналогичным образом формы «почему-то» и «зачем-то» фиксируют явление, причина или цель которого остаются неизвестными. Бунин тем самым вводит непостижимость непосредственно в ткань повествования.

Следовательно, поэтика вопроса в прозе Бунина основана не столько на поиске ответа, сколько на сохранении тайны. «Почему?» и «зачем?» позволяют писателю передать состояние человека, который стремится понять любовь, память, смерть и собственную судьбу, но обнаруживает ограниченность рационального объяснения. Именно поэтому вопрос у Бунина становится не только формой речи, но и способом изображения человеческого существования — существования, в котором важнейшие события часто происходят без заранее понятной причины и без очевидной цели.

Список использованных источников:

1. Кондюкина Е. В. Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами «зачем» и «почему»: автореферат диссертации. — Москва, 2009. — 24 с.
2. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.
3. Бунин И. А. Руся // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.
4. Бунин И. А. Таня // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.
5. Бунин И. А. Месть // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.
6. Бунин И. А. Солнечный удар // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.

7. Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. — Москва: Эксмо, 2013. — 637 с.
8. Функционирование собственно вопросительных предложений в произведениях И. А. Бунина [Электронный ресурс]. — URL: электронный ресурс методических материалов. — Дата обращения: 16.09.2026.
9. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть II. Синтаксис. — Москва: Просвещение, 1973. — 350 с.